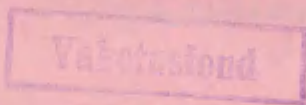

2470. Est A - 851

А. Н. Ясинскій.

ПРИЧИНЫ
ПАДЕНІЯ ДРЕВНЕЙ ЛИВОНІИ.

Публичная лекція.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1898.

72/13
9 539
9 813

E. 84. A-851

9 1076 R.
2608

А. Н. П. Искіі.

Причины паденія древней Ливоніи.

(Публичная лекція, прочитанная въ пользу Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго Университета).

Въ Космографіи Севастьяна Мюнстера, напечатанной на латинскомъ языкѣ въ 1550 году, находимъ занимательное описаніе Прибалтійскаго края: „Ливонія, — читаемъ мы тамъ, — страна болотистая, лѣсистая, песчаная, ровная и безъ значительныхъ возвышенностей. Она изрѣзана рѣчками, вельдствіе чего изобилуетъ рыбой. Почва въ ней по большей части — невоздѣлана, но поля отличаются плодородіемъ и обиліемъ пастбищныхъ мѣстъ. Когда въ сосѣднихъ краяхъ случается неурожай, то отсюда вывозятся запасы ржи и пшеницы. Страна славится обиліемъ скота и дичи. . . Власть въ Ливоніи принадлежитъ рыцарямъ Тевтонскаго Ордена. Во главѣ его стоитъ магистръ, управляющій всей страной, при содѣйствіи командоровъ и фохтовъ. Магистръ проживаетъ въ городѣ Венденѣ, который отстоитъ отъ Риги на разстояніи 12 миль. Въ настоящее время съ русскими (cum Moscho) поддерживается миръ: занятые борьбою съ татарами на другомъ краю государства, русскіе состоятъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ ливонцами, но при другихъ условіяхъ они поступили бы иначе“¹⁾.

1) F a h n e, Livland. Ein Beitrag zur Kirchen- und Sitten-Geschichte (Düsseldorf, 1875), S. 175. Нѣмецкій переводъ отрывка изъ Космографіи см. въ журналѣ Das Inland. 1841 J., №№ 28—30.

Это описаніе заслуживаетъ особеннаго вниманія еще и потому, что оно было напечатано наканунѣ паденія Ливоніи, незадолго до прекращенія ея самостоятельнаго существованія. Упомянувъ о русской политикѣ, Севастьянъ Мюнстеръ, несомнѣнно, и не подозрѣвалъ, какъ скоро послѣдуетъ перемѣна въ русско-ливонскихъ отношеніяхъ.

Въ 1550 году истекалъ срокъ перемирія, заключеннаго Москвой съ Орденомъ, по все вниманіе московскаго правительства было сосредоточено на казанскихъ дѣлахъ. Уступая просьбамъ Дерптскаго епископа, въ Москвѣ охотно согласились отсрочить перемиріе еще на 5 лѣтъ, подъ условіемъ возобновленія разрушенныхъ (лютеранами въ 1527 году) русскихъ церквей въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ, уплаты дани съ Дерптской области (*tributum per capita*) и полного удовлетворенія по различнымъ дѣламъ и жалобамъ¹⁾. Пользуясь, однако, осложненіями въ политическихъ дѣлахъ московскаго правительства, а именно: войной съ Казанью и болѣзью молодого царя, ливонцы и не думали исполнить условія перемирія. Поэтому, когда въ маѣ 1554 года прибыли въ Москву ливонскіе послы и просили продлить перемирные годы, то московскіе дипломаты получили возможность высказать неудовольствіе правительства по поводу неисполненія статей договора; они указывали на то, что ливонцы въ теченіе многихъ лѣтъ не уплачиваютъ дани, платежу которой подлежала область Дерптскаго епископа; упрекали ливонцевъ въ томъ, что они обижаютъ русскихъ купцовъ и позанимали въ городахъ церкви и концы русскіе. Послы сначала спорили, требуя предьявленія грамотъ и договоровъ, на которыхъ русскіе основываютъ свои притязанія, но въ концѣ концовъ вынуждены были признать законными права царя на дань съ жителей Дерптской области, въ размѣрѣ одной рижской марки съ человѣка, и полу-

1) Сборникъ Старчевскаго *Scriptores exteri*, t. 1: Joh. Levonclavii, *De Moscov. bel.*, p. 10; Bredembach, *Bel. Liv. hist.*, p. 6—7, 10.

чили перемиріе на 15 лѣтъ¹⁾. Когда въ іюнѣ 1556 года пріѣхалъ въ Дерптъ московскій гонецъ Терпигоревъ, то ему выдали грамоту, въ которой признаны были русскія права на дань; кромѣ того, дано было обѣщаніе уплатить просроченную сумму, слѣдующую за 3 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено опротестовать все это дѣло въ Имперскомъ судѣ²⁾. Эти юридическія тонкости, при помощи которыхъ ливонцы надѣялись отвратить грозное требованіе уплаты дани, не имѣли никакого смысла въ глазахъ всѣхъ благоразумныхъ людей и московскаго царя, продолжавшаго настаивать на исполненіи заключенныхъ договоровъ. Переговоры продолжались, потому что ливонцы не теряли надежды добиться нѣкоторыхъ уступокъ со стороны грознаго сосѣда. Въ февралѣ 1557 года магистръ прислалъ просить о сложеніи дани. Посольство это не имѣло успѣха, такъ какъ царь Іоаннъ IV объявилъ, что рѣшился силою искать удовлетворенія. Дѣло принимало очень серьезный оборотъ: весною были посланы воеводы для постройки города при устьѣ рѣки Наровы, а русскимъ купцамъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Ивангородѣ было запрещено ѣздить по торговымъ дѣламъ въ Ливонію³⁾. Эти мѣры утрашили пѣмцевъ. Въ декабрѣ того же года въ Москву прибыли снова послы магистра и Дерптскаго епископа. Прося сложить поголовную дань, они предложили брать урокомъ, по 1000 венгерскихъ гульденовъ ежегодно, а за просроченные годы взыскать 40 тыс. талеровъ, обѣщая уплату послѣднихъ произвести немедленно. Царь согласился. Когда же потребовали платежа, то у пословъ денегъ не оказалось.

1) Русская лѣтопись по Никонову списку (изд. Имп. Ак. Наукъ, 1791 г.), т. VII, стр. 215—216; Лѣтописецъ Русской (изд. Н. Львовымъ въ 1792 г.), т. V, стр. 36—38.

2) Balth. Rüssow, Chronica der Provintz Lyfflandt, S. 49 (напечатана въ *Scriptores regni Livonicarum*, t. II, p. 1—194); Franz Nyenstede, *Livländische Chronik* (herausgegeben von G. Tielemann, *Monumenta Livoniae antiquae*, t. II.), S. 45—46; Псковская лѣтопись въ Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 309.

3) Ник. лѣт., т. VII, стр. 282—283; Лѣв. лѣт., т. V, стр. 167—169.

Умоляя объ отсрочкѣ, они не скупились на обѣщанія. Видя только волокиту въ такомъ способѣ вести переговоры, царь разгнѣвался и объявилъ войну¹⁾.

Въ теченіе 1559—60 гг. русскіе взяли Нарву, Нишлотъ, Нейгаузъ, Дерптъ, Мариенбургъ, Феллинъ и много другихъ ливонскихъ городовъ. Во власти русскихъ оказалась половина Ливоніи²⁾. По свидѣтельству лѣтописей, „не было мѣсто, гдѣ не прошла бы война“: Ливонія была опустошена отъ границъ Московскаго государства до Риги, на пространствѣ 600 верстъ, а поперекъ — на 150—200³⁾. Попался въ плѣнъ и бывший магистръ Ордена Вильгельмъ Фирстенбергъ. Паника овладѣла населеніемъ и властями. Быстрыми шагами шла Ливонія къ паденію. Чувствуя свою безпомощность и не видя никакой возможности отстоять свою пезависимость, ливонцы и Готгардъ Кетлеръ, незадолго до того избранный въ магистры, стали просить иноземной помощи и покровительства. Отсутствие въ странѣ единства и анархія, пришедшая вмѣстѣ съ паническимъ ужасомъ передъ грознымъ побѣдителемъ, выразились въ томъ, что каждая область предоставлена была самой себѣ и на свой страхъ и рискъ искала выхода изъ критическаго положенія. Области Гарріенъ и Вирландъ съ городомъ Ревелемъ отдались подъ покровительство шведскаго короля, датчане приобрѣли островъ Эзель и Пильтенскій округъ, а магистръ вступилъ въ переговоры съ польскимъ правительствомъ. Въ ноябрѣ 1561 года переговоры эти закончились: Лифляндія съ городомъ Ригю отходила къ коронѣ польской, а магистръ Кетлеръ получилъ Курляндію и Семигаллію съ титуломъ наслѣдственнаго герцога. Такимъ образомъ, Ор-

1) Ник. лѣт., т. VII, стр. 294; Лѣв. лѣт., т. V, стр. 190—192; Valth. Rüssow, S. 51—53.

2) А. Н. Ясинскій, Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ (Кіевъ, 1889), стр. 53—58.

3) Лѣв. лѣт., т. V, стр. 285—286; Псков. перв. лѣт., стр. 311.

день прекратилъ свое существованіе, а орденскія земли были раздроблены на пять частей¹⁾).

При видѣ такого стремительнаго паденія, такой политической катастрофы, самъ собою является вопросъ о причинахъ. Представляя частный или мѣстный интересъ, разрѣшеніе этого вопроса удовлетворяетъ до нѣкоторой степени запросамъ и болѣе общаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, трудно сказать, какой вопросъ можетъ представить болѣе захватывающаго интереса, какъ вопросъ о томъ, въ силу какихъ причинъ и обстоятельствъ вотъ уже въ теченіе почти трехъ тысячъ лѣтъ на землѣ происходитъ смѣна народовъ, государствъ и культуръ? Сколько заключается самаго высокаго трагизма въ фактъ паденія культурныхъ міровъ и смѣны ихъ часто менѣе культурными! Къ счастью, историческая эволюція не останавливается: на обломкахъ и руинахъ мощно развивается новая жизнь и болѣе высокая культура! Невольно при этомъ вспоминаются слова нашего великаго національнаго поэта о радостномъ трепетѣ молодой жизни у гробоваго входа и о „вѣчной красѣ равнодушной природы“. Однако, умъ и сердце людей не могутъ вполне примириться съ такой перспективой: если ея нельзя избѣжать, то необходимо тѣмъ не менѣе принять все мѣры въ интересахъ ея отдаленія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ источникомъ здороваго чувства самосохраненія, присущаго не только каждому человѣку, но и цѣлымъ общественно-государственнымъ группамъ. Исторія, наука о самосознаніи, болѣе чѣмъ кака-либо другая наука является наставницею жизни: изучая съ любовью прошлое, она предостерегаетъ отъ роковыхъ ошибокъ, влекущихъ неизбѣжную гибель. Къ сожалѣнію, уроки исторіи часто предаются забвенію, но подобное отношеніе никогда не остается безнаказаннымъ.

Считая дипломатическіе переговоры, битвы, придвор-

1) Richter, Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen (Riga, 1858), Th. I, Bd. II, S. 346—363; Ясинскій, Соч. кн. Курбскаго, стр. 61—62.

ныя и партійныя интриги только внѣшними проявленіями жизни, мы неизбежно должны остановиться на характеристикѣ внутренняго и культурнаго состоянія Ливоніи, если желаемъ объяснить ея паденіе. Справедливость такого взгляда станетъ очевидной, какъ только мы отрѣшимся отъ поверхностнаго отношенія къ фактамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ можетъ показаться, что виновниками паденія Ливоніи были ея могущественные сосѣди, что она пала потому, что была, по сравненію съ ними, мала территоріальными размѣрами. Прежде всего, необходимо по этому поводу замѣтить, что сосѣди Ливоніи въ XVI вѣкѣ не были столь могущественны и опасны, какъ это могло казаться людямъ того времени. Польша была раздираема борьбою политическихъ и религіозныхъ партій. Въ московскомъ государствѣ происходило ожесточенное преслѣдованіе Іоанномъ боярства, наступала эпоха казней и опаль, безжалостное время опричнины и произвола. Швеція и Данія были отдѣлены моремъ и также не представляли внушительной силы: первая изъ нихъ только что успѣла сбросить датское иго, а въ ту пору была раздѣлена между сыновьями Густава Вазы на три части; что же касается второй державы, то она была обезсилена вслѣдствіе отпаденія шведскихъ провинцій и не могла удѣлять большого вниманія далекой Ливоніи, находясь во враждѣ съ городами Ганзейскаго союза. Недостаточность силъ сосѣдей и отсутствіе между ними преобладающей или первенствующей державы выразилось въ томъ, что Ливонія была раздѣлена на нѣсколько частей довольно равномерно: никто не получилъ львиной части. Исключена была при этомъ только Россія въ силу всеобщаго къ ней нерасположенія западнаго германо-романскаго міра и цѣлаго ряда политическихъ ошибокъ Іоанна Грознаго.

Кромѣ того, размѣры государствъ не вліяютъ на ихъ политическую роль и судьбу: огромная Персидская монархія погибла подъ ударами крошечной Эллады, а маленькая

Голландія устояла въ борьбѣ съ могущественной въ XVI вѣкѣ Испаніей.

Такимъ образомъ, причины паденія Ливоніи приходится отыскивать въ порядкахъ и условіяхъ ея внутренняго строя. Къ такому объясненію склоняется и Рихтеръ, авторъ извѣстнаго труда *Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen*, напечатаннаго въ 1857—58 гг. Такъ какъ этотъ трудъ является и доселѣ, не смотря на то, что со времени выхода его въ свѣтъ протекло 40 лѣтъ, — единственной критической исторіей Прибалтійскаго края¹⁾, то позволительно здѣсь привести его отзывъ: „Этотъ печальныйъ результатъ, — говоритъ онъ о раздѣлѣ Ливоніи, — лифляндцы должны приписать, разумѣется, отчасти самимъ себѣ; и не безъ основанія говоритъ Гешингъ: *Summa longum consilium, intestinum odium, privatum commodum desolarunt (Ungarorum) imperium*, т. е. причинами гибели государства были медлительныя совѣщанія, внутренніе раздоры и эгоизмъ частныхъ лицъ“²⁾. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Рихтера, этого серьезнаго и почтеннаго ученаго, мы должны сказать, что катастрофа произошла не „отчасти“, а исключительно по винѣ самихъ ливонцевъ. Сдѣлать эту поправку къ словамъ Рихтера мы считаемъ себя въ правѣ не только въ

1) A. Bergengrün, Eine neue Darstellung der livländischen Geschichte: „Seit dem Erscheinen der Richterschen Geschichte der Ostseeprovinzen sind fast 40 Jahre verflossen. Welche Masse an gelehrten Arbeit ist auch für den in Rede stehenden Abschnitt der livländischen Geschichte geleistet worden! Nirgends aber konnte man sich darüber ausreichend und sicher orientiren (Baltische Monatsschrift, April 1896, S. 164). Другой мѣстный историкъ (Asta f von Transehe), говоря о развитіи Прибалтійской исторіографіи, отмѣчаетъ отсутствіе общихъ сочиненій: Eine Kirchengeschichte Livlands besitzen wir leider überhaupt nicht. In der Rechtsgeschichte haben wir einige tüchtige Monographien, aber noch immer nicht ein zuverlässiges Handbuch. Die kürzlich (1895) aus dem Nachlasse des Prof. O. Schmidt herausgegebene Rechtsgeschichte Liv- Est- und Kurlands kann wissenschaftlichen Ansprüchen keineswegs genügen. Das geistige Leben unserer Heimath ist naturgemäss häufig Gegenstand der Behandlung gewesen, aber über mehr oder weniger dilettantische Monographien sind wir kaum hinausgekommen (Baltische Monatsschrift, August 1897, S. 336).

2) Richter, Th. I, Bd. II, S. 363.

виду вышеприведенныхъ соображеній, но и на основаніи дальнѣйшаго изложенія.

Прежде всего, слабость Ливоніи объясняется неопредѣленными отношеніями, установившимися между тѣми социальными группами или корпораціями, изъ которыхъ слагался ея политическій строй.

Начало государственной организаціи нѣмецкой колоніи на восточномъ побережѣ Балтійскаго моря положено было Рижскимъ епископомъ Альбрехтомъ Аппельдерномъ. Явившись въ 1207 году ко двору императора Филиппа, онъ получилъ Ливонію въ качествѣ лена Имперіи. Впослѣдствіи такими же имперскими князьями сдѣлались епископы Дерптскій, Эзельскій и Курляндскій. При Альбрехтѣ Рижская епископія приобрѣла церковную самостоятельность. Тогда же возникла и была осуществлена мысль объ основаніи въ Ливоніи особаго Ордена въ интересахъ распространенія христіанства среди финскихъ и литовскихъ племенъ. Члены этого новаго Ордена, какъ видно изъ буллы папы Иннокентія III, назывались братьями христіанскаго рыцарства (*fratres Christi militiae*). Они получили статутъ Ордена Тамплиеровъ, а въ качествѣ отличительнаго отъ послѣднихъ знака нашивали на бѣломъ плащѣ, кромѣ краснаго креста, такого же цвѣта мечъ¹⁾, вслѣдствіе чего получили прозваніе меченосцевъ. Члены Ордена дѣлились на три класса: рыцарей, священниковъ и оруженосцевъ. Кромѣ обычныхъ трехъ монашескихъ обѣтовъ (послушанія, безбрачія и бѣдности), рыцари и оруженосцы давали обѣтъ постоянной борьбы съ язычниками. Во главѣ Ордена стоялъ магистръ, избираемый членами изъ числа рыцарей. Только при особенно важныхъ случаяхъ магистръ обязанъ былъ созывать собраніе членовъ или Орденскій капитулъ. Позднѣе слѣ-

1) Bunge, Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch, B. I, p. 23: Regulam quoque fratrum militiae Templi servantes, aliud in habitu signum praeferebant, ut ostendant, se illis nequaquam esse subiectos.

дующую іерархическую ступень составляли комптуры или командоры, которыхъ было пять, а именно: Ревельскій, Феллинскій, Венденскій, Зегевольдскій и Ашерадскій. Наряду съ комптурами стояли фохты (*advocati*) въ качествѣ военныхъ и финансовыхъ чиновниковъ такихъ большихъ областей, какъ Гарріенъ, Іервенъ, Закала и Эзелъ. Въ отличіе отъ другихъ монашеско-рыцарскихъ Орденовъ, „братья христіанскаго воинства“ или меченосцы не были непосредственно подчинены папѣ, а обязаны были въ свѣтскомъ и церковномъ отношеніяхъ оказывать повиновеніе Рижскому епископу¹⁾.

Епископъ Альбертъ надѣялся найти въ Орденѣ опору своей власти, но скоро убѣдился въ своей ошибкѣ. Какъ оказалось, Орденъ сталъ во враждебныя къ нему отношенія почти съ самаго начала своего существованія. Сначала первый магистръ, которымъ былъ Веннонъ или Виннольдъ Рорбахъ, жилъ въ Ригѣ, епископской резиденціи, но потомъ переселился въ городъ Венденъ, сдѣлавшійся въ Ливоніи съ тѣхъ поръ центромъ орденскаго управленія. Въ этомъ перемѣщеніи нельзя не видѣть стремленія къ независимости, особенно выразившагося въ томъ, что рыцари послѣ смерти Рорбаха поспѣшили избрать его преемника, не входя по этому поводу въ соглашеніе съ епископомъ. Несогласія начались изъ-за раздѣла завоеванныхъ земель. Выдѣливъ крайне неохотно въ пользу рыцарей треть уже покоренной территоріи, епископъ не соглашался признать права Ордена на такую же долю въ предстоящихъ приобрѣтеніяхъ, отговариваясь тѣмъ, что онъ не можетъ дать того, чѣмъ и самъ не владѣетъ. Такимъ образомъ, начались между Орденомъ и Рижскимъ епископомъ тѣ столкновенія, которыя не прекращались въ теченіе 300 лѣтъ, т. е. до самаго паденія Ливоніи, и обуславливались стремленіемъ Ордена сначала къ независимости, а потомъ къ господству въ странѣ.

1) Th. Schieman n, *Russland, Polen und Livland*, Bd. II (Berl. 1887), S. 18—19; Bunge, *Urkundenbuch*, Bd. I, p. 22: *magister eorum, qui pro tempore fuerit, obedienciam semper Rigensi episcopo reponnitet.*

Отношенія въ Ливоніи еще болѣе осложнились, когда въ 1237 году произошло соединеніе Ордена меченосцевъ съ Тевтонскимъ. Ливонія образовала отдѣльную орденскую провинцію. Ливонскій магистръ получалъ утвержденіе въ должности отъ великаго магистра Тевтонскаго Ордена, но ливонскіе рыцари должны были попрежнему приносить присягу на вѣрность и послушаніе главѣ Рижской и другихъ церквей¹⁾. Съ другой стороны, митрополичья власть Рижскаго архіепископа распространялась съ 1255 года и на Пруссію²⁾, но замѣщеніе вакантныхъ епископскихъ каведръ находилось тамъ въ зависимости отъ Ордена. Вся эта запутанность отношеній доходила до того, что почти невозможно было разобрать, кому въ томъ или другомъ частномъ случаѣ долженъ принадлежать рѣшающій голосъ, кто — сеньоръ, а кто — вассаль, — и приводила къ безконечнымъ спорамъ и внутреннимъ смутамъ. Поворотнымъ моментомъ въ исторіи отношеній между Орденомъ и Рижскимъ архіепископомъ является конецъ XIV вѣка. Подъ предлогомъ прекращенія несогласій³⁾ папа Бонифацій IX, руководимый, повидимому, далеко небезкорыстными соображеніями, издалъ въ теченіе 1394—1397 гг. рядъ буллъ въ пользу Ордена. Рижская

1) Bunge, Urkundenbuch, Bd. I, p. 192: auctoritate apostolica statuentes, ut ipsi et ceteri fratres praedicti hospitalis sanctae Mariae Theutonicorum, qui pro tempore fuerint in Livonia, sicut hactenus, sub dioecesanorum et aliorum praelatorum suorum iurisdictione consistant. . .

2) См. буллу папы Александра IV, данную на имя Рижскаго архіепископа 20 янв. 1255 года: Sane eum, sicut tua nobis et suffraganeorum tuorum insinuatio patefecit, olim in certa ecclesia metropolitanam non habens sedem, Livoniae, Estoniae ac Prussiae archiepiscopus vocaveris (Bd. I, p. 361).

3) Bunge, Urkundenbuch, Bd. IV (Reval, 1859), p. 164—165: Et deinde per nos accepto, quod olim inter nonnullos archiepiscopos Rigensis, qui fuerat pro tempore, ac dilectos filios, capitulum ecclesiae praedictae, tunc ordinis s. Augustini, ex parte una, ac magistrum et fratres domorum hospitalis b. Mariae Theutonicorum Jerusal. in Livonia, ex altera, super diversis negotiis orta fuerit materia quaestionis, et propterea inter partes ipsas gravia lites, discordiae et iurgia erant secuta, nos ad tollendum lites, discordias et iurgia huiusmodi, et alias, ex certis rationabilibus causis — statuimus. . . Ср. также *Ibid.*, p. 4—5.

церковь была введена въ составъ Ордена или инкорпорирована: всѣ церковныя должности и мѣста должны были замѣщаться только лицами, принесшими ранѣе орденскіе обѣты; въ образѣ жизни духовенство Рижской церкви обязано было руководиться правилами орденскаго статута, а не уставомъ св. Августина, какъ было ранѣе, и носить орденскую одежду¹⁾; наконецъ, архіепископомъ отнынѣ могъ быть только кто-либо изъ орденскихъ братьевъ²⁾. Однако, буллы не достигли цѣли. Недовольное подчиненіемъ Ордену духовенство стремится къ восстановленію прежняго порядка. Начавшаяся по этому поводу борьба осложнялась еще тѣмъ, что Орденъ, занявшій въ странѣ преобладающее положеніе, встрѣтилъ враждебное отношеніе къ себѣ и со стороны другихъ соціально-политическихъ группъ пѣмецкой колоніи.

Въ концѣ XIII вѣка пріобрѣтаютъ значеніе города; возвышается новая сила, требующая себѣ правъ и привилегій, вступающая изъ-за того въ борьбу какъ съ Орденомъ, такъ и съ архіепископомъ и епископами. Подчиняясь охотно духовной власти своихъ сеньоровъ-епископовъ, города стремились къ самостоятельности въ дѣлахъ управленія и суда. Для пониманія же характера отношеній городовъ къ Ордену необходимо имѣть въ виду, что интересы торговцовъ и ремесленниковъ не могли быть солидарны съ

1) *Urkundenbuch*, Bd. IV, p. 5: *quod de cetero perpetuis futuris temporibus nullus in canonicum seu praepositum aut decanum, vel ad aliquam aliam dignitatem seu personatum vel officium, cum cura vel sine cura, dictae ecclesiae, quocumque nomine nuncupentur, recipi possit aut debeat, nisi prius regularem professionem, per fratres praedicti hospitalis emitti consuetam, emisorit. . . ecclesia ipsa ex tunc non s. Augustini, sed b. Mariae Theutonicorum ordinis praedicti censeatur et perpetuo nuncupetur, et quod canonici et alii, dignitates, personatus vel officia in dicta ecclesia obtenturi, habitum fratrum dicti hospitalis gestare teneantur, quodque canonici ipsius ecclesiae, regulam praefati hospitalis professi. . .* Ср. также *ibid*, p. 165.

2) *Ibid.*, p. 165: *quod de cetero nullus in archiepiscopum Rigensem assumi possit, nisi frater dicti hospitalis existat, de benignitate apostolica dignaremur.*

интересами рыцарей: одни желали мира, а другіе — войны. Въ 1292 году началась открытая борьба Ордена съ городомъ Ригой. Этой борьбѣ, во время которой горожане не гнушались вступать въ союзъ съ иностранцами и даже съ литовцами-язычниками, суждено было продлиться до конца самостоятельнаго существованія Ливоніи. Наконецъ, само городское населеніе не представляло собой единой и компактной массы: въ пѣдрахъ его происходило соперничество между большой и малой гильдіями, а также борьба ихъ обѣихъ противъ городского сената.

Въ лицѣ орденскихъ и епископскихъ вассаловъ выдвигается въ XIV вѣкѣ четвертая общественная группа. Владѣя землями то на правахъ пожизненнаго пользованія, то па правахъ болѣе или менѣе ограниченной наслѣдственности, дворянство это жило въ тиши деревенской, занимаясь усердно хозяйствомъ. Стремясь къ расширенію и укрѣпленію правъ владѣнія, вассалы вели въ сущности на этой почвѣ упорную и настойчивую борьбу противъ своихъ сеньоровъ, т. е. Ордена и епископовъ.

Въ отсутствіи единства и центрального органа, объединявшаго враждебныя соціально-политическія группы, заключалась, несомнѣнно, причина слабости нѣмецкой колоніи. Хотя въ Ливоніи иногда собирались ландтаги, въ составѣ четырехъ курій или камеръ (духовной, орденской, рыцарской и городской), но эти съѣзды представителей четырехъ мѣстныхъ сословій, будучи средневѣковаго происхожденія и характера, получили опредѣленную организацію только въ XV вѣкѣ¹⁾, когда въ Европѣ средневѣковыя учрежденія находились въ состояніи разложенія. По совершенно справедливому замѣчанію одного ученаго, въ странѣ было много центробѣжныхъ силъ, а въ лифляндской конфедераціи другъ возлѣ друга стояли такіе взаимно-исключающіе элементы,

1) A. Gernet, Der Ursprung des altlivländischen Landtages въ журналѣ Baltische Monatsschrift, Juni 1896.

что даже едва ли было возможно отыскать средство соединенія¹⁾.

Вторая половина XV вѣка была особенно богата примѣрами сословной вражды и печальныхъ междоусобій, виновникомъ которыхъ былъ въ значительной степени Рижскій архіепископъ Сильвестръ Штадеветеръ (1448—1479). Этотъ ирелатъ то дѣйствуетъ въ союзѣ съ магистромъ, имѣя въ виду сокрушить вольности города Риги, то примирается съ рижанами, являясь ихъ союзникомъ въ борьбѣ съ Орденомъ, а потомъ снова сближается съ магистромъ и, наконецъ, втягиваетъ въ смуты и шведовъ. Борьба на нѣкоторое время прекратилась послѣ взятія въ плѣнъ Сильвестра и всего рижскаго капитула. Городъ Рига также подчинился власти орденскаго начальства, но въ 1481 году ему удалось сбросить съ себя эту зависимость.

Только при магистрѣ Вальтерѣ фонъ Плеттенбергъ (1494—1535) водворился временно въ странѣ миръ. Благодаря его побѣдамъ, Орденъ получаетъ даже виѣиній блескъ, но въ сущности это была послѣдняя вспышка духа жизни передъ смертью, румянецъ на щекахъ чахоточнаго, приговореннаго къ смерти.

Къ социально-политическимъ причинамъ вражды и междоусобій въ пору Плеттенберга присоединились и религіозныя. Въ началѣ XVI вѣка въ Ливонію проникаетъ реформація. Города и нѣкоторая часть дворянства приняли новое ученіе Мартина Лютера. Магистру представлялась, повидимому, возможность принять протестантизмъ и произвести, по примѣру Альбрехта Прусскаго, секуляризацію. По миѣнію Рихтера, водвореніе наслѣдственной монархіи являлось единственнымъ исходомъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ: „Плеттенбергу, — говоритъ онъ, — при его преклонномъ возрастѣ не приходила, повидимому, въ голову мысль основать наслѣдственное княжество и такимъ образомъ дать Ливоніи,

1) Schieman n, Bd. I, S. 281.

многообразныя церковно-свѣтскія учрежденія которой уже были расшатаны введеніемъ реформаціи, то, въ чемъ она особенно пуждалась, — единую и мощную связь наследственной монархіи. Стараясь сохранить хорошія отношенія къ обѣимъ религіознымъ партіямъ, Плеттенбергъ, между тѣмъ, ограничивался полумѣрами, которыя никому не приносили пользы¹⁾. Заслуживаетъ, однако, вниманія, что современники какъ католическаго, такъ и протестантскаго образа мыслей, одобряли эту политику. Брахманнъ называетъ Плеттенберга „благороднымъ человѣкомъ, превосходнымъ полководцемъ и великимъ особенно потому, что онъ понималъ требованія своего времени и способствовалъ реформаціи мудрыми мѣрами“. Фабрицій напротивъ восхваляетъ его за ревность къ католицизму²⁾. По мнѣнію Рихтера, Плеттенбергъ потому, между прочимъ, не далъ странѣ наследственной монархіи, „этого единственнаго якоря спасенія“ (der einzige Rettungsanker), что по своему характеру не склоненъ былъ къ насильственнымъ мѣрамъ и не хотѣлъ ссориться съ германскимъ императоромъ³⁾.

Не отрицая большого вліянія на ходъ событій индивидуальныхъ качествъ историческихъ дѣятелей, мы все-таки полагаемъ, что вліяніе это заключено въ извѣстныя рамки или границы, перейти которыя они не могутъ. Хотя почти невозможно надѣяться, что когда-либо мыслители опредѣлятъ эту степень ограниченнаго воздѣйствія личности, но она, несомнѣнно, существуетъ: всѣ люди — рабы условій и обстоятельствъ жизни, которыя могутъ быть названы роковыми, потому что всегда и во всемъ приходится считаться съ исторической традиціей и обстановкой, которыя сложились задолго до нашего появленія на свѣтъ, помимо и внѣ всякаго участія нашей свободной воли. Вполнѣ признавая существованіе

1) Richter, Th. I, Bd. II, S. 269. См также Th. Schiemann, Charakterköpfe und Sittenhilder (Mitau, 1877), S. 79.

2) Richter, S. 289.

3) Richter, S. 290, 269.

последней, мы должны согласиться, что область, оставленная для ея проявленія, — крайне ограничена.

Всѣ эти соображенія не позволяютъ согласиться съ тѣмъ объясненіемъ политики магистра Плеттенберга, которое предложено Рихтеромъ.

Уроженецъ Вестфалии ¹⁾, изъ которой происходило большинство дѣятелей нѣмецкой колоніи на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, онъ тѣмъ не менѣе хорошо зналъ, въ какомъ глубокомъ нравственномъ паденіи находилось современное ливонское общество. Какъ дальновидный и талантливый политикъ, онъ не могъ рѣшиться на такія мѣры, въ успѣхъ которыхъ можно было сомнѣваться: паденіе частной и общественной нравственности всегда является предвозвѣстникомъ ужасныхъ соціальныхъ катастрофъ, предупредить которыя не въ силахъ даже геніальный человекъ. Въ данномъ случаѣ легко предвидѣть возраженіе. Могутъ указать на то, что Готгарду Кетлеру вполнѣ удалось ввести наследственную княжескую власть въ Курляндіи, одной изъ бывшихъ орденовскихъ областей, спустя только три десятилѣтія послѣ смерти Плеттенберга, не рѣшившагося на этотъ шагъ. Необходимо, однако, имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, Кетлеръ достигъ успѣха, благодаря поддержкѣ и опорѣ со стороны польской короны, а, во-вторыхъ, самый фактъ секуляризаціи произошелъ послѣ тяжелыхъ испытаній и ряда несчастій, обрушившихся на несчастное населеніе и способныхъ отрезвить общество, пробудить въ немъ лучшія силы и благороднѣйшіе инстинкты ²⁾.

1) Недавно, однако, высказаны сомнѣнія относительно вестфальскаго происхожденія Плеттенберга. См. замѣтку (H. Baron Bruiningk, Die Bildnisse des Ordensmeisters Walther von Flettenberg und die Frage über seine Herkunft) въ журналѣ Sitzungsberichte d. Gesellschaft f. Gesch. u. Alterth. d. Ostseeprr. Russl. a. d. J. 1891 (Riga, 1892), S. 71—77.

2) Balth. Rüssow: Ock sint hyr nicht gemeinet de jenigen, so in der Lyfflandischen voranderinge unde vorstöringe geharen, edder tho der tydt noch Kinder gewesen sint, unde des olden wesendes unde leuendes unerfahren, unde in dem langwiligen Kryge erst ogewassen sindt, unde dorch lange ge-

Извѣстная связь между политическими событіями и состояніемъ общественной нравственности не можетъ, по нашему убѣжденію, подлежать сомнѣнію. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ на глубокой упадокъ нравственности въ римской имперіи въ эпоху ея паденія и во Франціи передъ революціей 1789 года. Такимъ образомъ, говоря о причинахъ паденія древней Ливоніи, мы не можемъ обойти вопросъ о состояніи нравовъ того времени.

Варроломей Греффенталь въ своей *Liefländische Chronica* приводитъ письмо царя Іоанна IV къ императору Фердинанду I. Объясняя свои права на Ливонію, царь пишетъ: „Что же касается твоей просьбы, чтобы я сложилъ съ ливонцевъ, опалу и гнѣвъ, кои противъ нихъ имѣю, и простилъ ихъ, то по этому поводу довожу до свѣдѣнія твоего Императорскаго Величества, что за ихъ проступки, неправоту, нехристіанскія жизнь и поведеніе я желаю и долженъ на нихъ имѣть опалу не только изъ-за себя одного, но и также изъ-за тебя“¹⁾. Князь Андрей Курбскій, бывшій нѣсколько лѣтъ воеводою Дерпта, относился съ явнымъ неодобреніемъ къ образу жизни и правамъ ливонскаго общества. По его словамъ, ливонцы никогда „не оставляютъ своего обыкновенія жестоко пьянствовать и издѣваться надъ христіанствомъ“: „въ тотъ день, — говоритъ онъ, — когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ плотью пострадалъ за человѣчскій родъ, въ тотъ день, когда каждый христіанинъ, подражая его страстямъ, скорбитъ и пребываетъ въ постѣ и воздержаніи, ихъ милость, нѣмцы вельможные и гордые, измыслившіе сами себѣ новое имя евангеликовъ, обпились и объѣлись

wanheit, dagelikke erfahringe unde öuinge, solcke gute Kriegeslüde wedder den Muscowiter gegeben hebben, als man se in der Welt nicht beter wünschen unde erlangen möchte (Script. rer. Liv. II, 46).

1) Monum. Liv. Antiquae. t. V, p. 122. За подлинность этого письма ручаться, конечно, нельзя, но по содержанию и характеру своему оно отвѣчаетъ тогдашнимъ обстоятельствамъ и настроенію царя.

еще въ началѣ того дня . . . и пролили христіанскую кровь въ такіе великіе и святые дни“¹⁾.

Нехороша была слава ливонцевъ у русскихъ, но nejlepší они пользовались и у своихъ соплеменниковъ. Въ Космографіи Севастьяна Мюнстера находимъ такое описаніе ливонскихъ нравовъ, которое по своей выразительности заслуживаетъ вниманія: „Ошибается тотъ, кто утверждаетъ, будто магистръ ливонскій ведетъ постоянную войну съ варварами, вторгающимися непрестанно въ страну. Самая большая война, которую теперь ведутъ ливонцы, сидя въ своихъ замкахъ и дворянскихъ усадьбахъ, заключается въ выпивкахъ и пирушкахъ. Кто для этого приведетъ сюда своего вассала, тотъ — дорогой для нихъ гость. Однако, за это они получаютъ достойную награду: водянку, дизентерію, такъ называемую у нихъ Schorhach или другія подобныя болѣзни, хираргу, подагру и т. д.“²⁾.

Всѣ вышеприведенные отзывы принадлежатъ перу иностранцевъ, которые, какъ извѣстно, часто впадаютъ въ преувеличенія при описаніи жизни чуждой имъ страны, особенностей и строя которой они не знаютъ или неспособны по большей части оцѣнить справедливо. Въ данномъ случаѣ, однако, эти отзывы подтверждаются фактами и свидѣтельствами прибалтійскихъ писателей.

Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли необходимо останавливаться на характеристикѣ позорной дѣятельности Дерптскаго епископа, Іодока фонъ Рекке, который, видя что Орденъ доживаетъ свои послѣдніе дни, заложилъ епископскія имѣнія и уѣхалъ на родину, въ Вестфалію, гдѣ припалъ протестантство, женился на бывшей послушницѣ и сталъ продавать свое епископство почти съ аукціона³⁾. Слишкомъ

1) Сказанія князя Курбскаго (3-ье изд. Устрялова, 1868 г.), стр. 49, 48. — Сравни А. Н. Яценскій, Сочиненія князя Курбскаго, стр. 86—87.

2) A. Fahne, S. 176.

3) Otto von Rutenberg, Geschichte der Ostseeprovinzen (Lpz. 1860). Bd. II, S. 411—412.

извѣстно гнусное поведеніе Таубе и Крузе, торговавшихъ своею совѣстью и родиною, виновниковъ дерптской катастрофы 1571 года¹⁾. Упомянемъ, между прочимъ, объ уголовномъ процессѣ ливонской аристократки, Анны Меккесъ, урожденной фонъ Цеге, которая, желая выйти замужъ за своего возлюбленнаго (Юргена Майделя), отравила молодого мужа и хотѣла погубить также и свекра. Для характеристики тогдашней юстиціи и взглядовъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что сама преступница избѣгла наказанія, но за то казнены были принадлежавшія къ низшему сословію лица, содѣйствовавшія ея преступленію²⁾. И хотя одинъ изъ мѣстныхъ историковъ, обобщая эти факты, говоритъ, что подобно Іодоку фонъ Рекке „поступали, если только могли, всѣ епископы и всѣ начальники Ордена, высокороденные вестфальцы, каждый изъ которыхъ, какъ только замѣчалъ, что государство прекращаетъ свое существованіе, старался собрать возможно большую сумму денегъ и съ ними скрыться въ Вестфалію“³⁾, но все-таки можетъ явиться вопросъ, не были ли это единичные и исключительные случаи, которые ничего не доказываютъ? Необходимо поэтому въ интересахъ справедливости ознакомиться съ общимъ уровнемъ нравственности.

Въ нашемъ распоряженіи столь богатый матеріалъ, что возможенъ самый строгій выборъ среди источниковъ. Опуская свидѣтельства политическихъ пѣсенъ того времени⁴⁾, изъ недоувѣрія къ подобнаго рода источникамъ, минуя по-

1) Nyenstede, S. 72—74; Th. Schiemanп, Johann Taube und Bihard Kruse. Zwei Verräther (отдѣльный очеркъ въ книжкѣ Charakterköpfe und Sittenhilder). Сравни также Вестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, стр. 183—184; А. Ясинскій, Сочиненія кн. Курб., стр. 174.

2) Rutenberg, Bd. II, S. 418—423.

3) Ibid., S. 427.

4) Эти пѣсни заданы и объяснены Е. Пабстомъ въ Arch. f. Gesch. Liv- Esth- und Curlands, Bd. III, S. 148 ff. См. также G. Hansen, Aushaltischer Vergangenheit (Reval, 1894), S. 141—160.

казанія каноника Фабриція, которому, по замѣчанію Рихтера, какъ убѣжденному и пылкому католику, все въ Ливоніи представлялось въ черномъ цвѣтѣ¹⁾, мы возьмемъ своими руководителями иротеѣстантскихъ писателей — Рюссова и Ніешштеда. Первый изъ нихъ — почтенный пасторъ города Ревеля, а второй — бюргеръ, долго проживавшій въ Дерптѣ, а потомъ переѣхавшій въ Ригу, гдѣ нѣсколько лѣтъ занималъ должность бургомистра и пользовался уваженіемъ своихъ согражданъ. Оба любили свою родину и по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія честно ей служили. Хроники, написанныя этими ливонскими патріотами, причисляются Рихтеромъ къ главнымъ источникамъ. По его мнѣнію, изложеніе этихъ писателей подробно и вполне заслуживаетъ довѣрія²⁾. Любопытно все-таки отмѣтить, что на Рюссовѣ оправдалась справедливость русской пословицы: „правда глаза колеть“. Когда появилась его хроника, то многіе остались ею недовольны, вслѣдствіе чего въ предисловіи къ 4-ой книгѣ авторъ счелъ необходимымъ объяснить съ читателемъ: „Я не написалъ, — говоритъ онъ, — о печальныхъ ливонскихъ событіяхъ сказку, пріятную для всякаго, которой можно позавбавиться за стаканомъ вина или пива. . . . Въ дѣйствительности я не имѣлъ въ виду собственной выгоды, не руководился любовью или страхомъ передъ кѣмъ-либо; начавъ во славу Господа и на благо всѣмъ ливонскимъ потомкамъ, я писалъ не съ удовольствіемъ (тому свидѣтель Богъ!), а съ великою печалью, вздохами и слезами. По поводу же того, что многіе сильно сердятся и невольны довольны мною, я не могу кстати не вспомнить, что не родился еще на свѣтѣ человѣкъ, который угодилъ бы всѣмъ людямъ своими словами и дѣлами; кромѣ того, и со мной самимъ, и съ другими случается то, что мы гнѣваемся, если намъ говорятъ

1) Richter, Th. I, Bd. I, S. 8; Th. II, Bd. I, S. 3.

2) Richter, Th. II, Bd. I, S. 3; Th. I, Bd. I, S. 5—6; Bd. II, S. 396; Bunge, Einleitung in die Rechtsgeschichte (Reval, 1849), S. 8; O s w. Schmidt, Rechtsgeschichte, S. 81—82.

правду. Какъ бы ни было, я утѣшаюсь сознаніемъ своей правдивости и чистой совѣсти“¹⁾.

Послѣ этихъ необходимыхъ предварительныхъ замѣчаній о характерѣ хроникъ Рюссова и Нипштеда мы можемъ продолжать свое изложеніе.

Сравнивая ливонцевъ съ русскими, Рюссовъ отмѣчаетъ трудолюбіе, благочестіе, воздержанность и любовь къ родинѣ послѣднихъ, а относительно первыхъ говоритъ такъ: „нѣмцу совершенно безразлично гдѣ бы ни находиться, лишь бы можно было вдоволь объѣдаться (*genoch tho fretende*) и напиваться“²⁾. Это превознесеніе нравственной высоты русскихъ тѣмъ болѣе знаменательно въ устахъ автора, что онъ былъ враждебно настроенъ противъ нихъ и называлъ ихъ „бестіями“ (*Bestien*)³⁾.

Рюссовъ съ грустью отмѣчаетъ отсутствіе патриотизма у своихъ соотечественниковъ. Въ то время, когда Ливонія переживала критическіе моменты, когда враги опустошали ее, дворяне и бюргеры беззаботно предавались увеселеніямъ. На святкахъ 1572 года русскіе отряды, посланные опустошать земли Гарріентъ и Іервепъ, захватили во многихъ замкахъ достаточно народу, такъ какъ друзья и сосѣди пріѣзжали другъ къ другу на пирушки съ женами и дочерьми, наряженными въ лучшія платья и дорогіе уборы⁴⁾. Во время осады русскими города Ревеля дворяне и бюргеры справляли крестины и свадьбы, на которыхъ пьянствовали

1) Rüssow, S. 127. — Между тѣмъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что авторъ хроники былъ особенно заинтересованъ въ сочувствіи читателей, такъ какъ его произведеніе выходило въ свѣтъ, благодаря поддержкѣ со стороны многочисленныхъ подписчиковъ (*ein Subscriptionswerk*), изъ которыхъ весьма многіе (171 человекъ) могутъ быть названы по именамъ. См. сообщеніе проф. Шиманна въ *Sitz. d. Ges. f. Geschichte u. Alterth. d. Ostseeprovin. Russl. a. d. J. 1893* (Riga, 1894), S. 51. Врядъ ли при такихъ условіяхъ Рюссовъ могъ сгущать краски и тѣни въ изображеніи нравовъ и современныхъ событій.

2) Rüssow, S. 102.

3) *Ibid.*, S. 144.

4) *Ibid.*, S. 97.

и безчинствовали такъ, что дѣло доходило до пролитія крови и убійствъ¹⁾. Когда въ 1576 году русскіе овладѣли городомъ Гапсалемъ и вступили въ замокъ, то были поражены представившимся зрѣлищемъ: нѣкоторые изъ гапсальскихъ юнкеровъ были въ очень веселомъ настроеніи духа, а одинъ изъ нихъ шутилъ съ двумя дѣвушками-дворянками, сидящими у него на колѣняхъ. Кто-то изъ русскихъ при этомъ сказалъ: „Вы, нѣмцы, — странные люди! Если бы мы такъ легкомысленно сдали такой замокъ, то не смѣли бы послѣ того взглянуть прямо въ глаза честнымъ людямъ . . . а гапсальскіе нѣмцы не только ни мало не смущены, но даже занимаются флиртомъ, какъ будто они поступили по-постоящему!“²⁾. Убѣгая изъ Везенберга и ища спасенія въ Ревелѣ, бюргеры и дворяне утѣшали себя въ началѣ войны слѣдующимъ образомъ: „Пусть русскіе берутъ замки и земли; король датскій отниметъ ихъ у нихъ!“³⁾ То же самое вопіющее легкомысліе и отсутствіе интереса къ общему дѣлу засвидѣтельствовано и другимъ писателемъ, — Ненштедомъ. По его словамъ, какъ только дворяне увидѣли, что осада Дерпта — неизбежна, „то подъ прикрытіемъ ночи вышли изъ города и покинули своего господина, епископа Дерптскаго, на произволъ судьбы“⁴⁾. Бюргеры обнаруживали не менѣе дворянъ равнодушіе къ судьбамъ родины: „дерптцы, — говоритъ Руссовъ, — мало обстраивали и укрѣпляли свой городъ въ доброе время (in guter tydt); они мало заботились о томъ, что послѣ солнышка пойдетъ проливной дождь, но думали исключительно о тщеславіи, роскоши, себялюбіи и богатствѣ“⁵⁾. Характеризуя настроеніе умовъ ливонцевъ передъ войною, Ненштедъ удивляется легкомысленному ихъ отношенію къ тѣмъ

1) Ibid., S. 117.

2) Ibid., S. 110.

3) Ibid., S. 54.

4) Nyenstede, S. 50.

5) Rüssow, S. 108.

грознымъ приготовленіямъ къ войнѣ, которыя предириняты были русскими, по приказанію царя Іоанна IV: „Это была, — говоритъ авторъ хроники, — какая-то слѣпота . . . ливонцы все-таки оставались попрежнему слѣпыми и думали болѣе о томъ, какъ бы устроить по-роскошнѣе свадьбу или крестины, чѣмъ о мѣрахъ къ отраженію враговъ“ ¹⁾.

Исчезновеніе интереса къ общему дѣлу, развитіе эгоистическихъ побужденій и отсутствіе патриотизма — всѣ эти отрицательныя качества развивались на почвѣ общаго и глубокаго паденія нравственности въ обиходѣ частной жизни.

По словамъ Руссова, населеніе въ городѣ Везенбергѣ отличалось дурной и распутной жизнью. Обжорство, пьянство, драки и поединки были тамъ обычными явленіями. Кто имѣлъ рубецъ на щекѣ, тотъ хвастался имъ какъ особымъ украшеніемъ, ибо всѣ считали счастливаго обладателя челоуѣкомъ мужественнымъ. Подобный рубецъ назывался Везенбергскимъ когтемъ (Kogel) и вошелъ въ поговорку. Благоразумные люди говорили: „Сохрани, Господи, отъ Феллинскаго танца, Виттенштейнскаго пьянства и Везенбергской чести!“ Везенбергскіе помѣщики и господа проводили дни и ночи въ корчмахъ (Beerhäusern), а потому ихъ слугамъ не удавалось въ теченіе года ни разу побывать въ церкви ²⁾.

Какъ видно изъ одной большой и любопытной главы хроники Руссова, Везенбергскіе нравы и тамошній образъ жизни не представляли исключительнаго явленія въ Ливоніи.

По словамъ Руссова, съ тѣхъ поръ, какъ магистръ Вальтеръ Плеттенбергъ одержалъ блестящую побѣду надъ русскими и заключилъ продолжительный миръ, все болѣе и болѣе стали распространяться между правителями и под-

1) Nyenstode, S. 44.

2) Rüssow, S. 55.

данными большая самоувѣренность, праздность, роскошь, хвастовство, сластолюбіе, безмѣрное распутство и безстыдство въ такой мѣрѣ, что вдоволь объ этомъ нельзя ни рассказать, ни описать“. Орденскіе начальники, епископы и каноники держали наложницъ, которыхъ называли хозяйками (Meyerschen) и вдохновительницами (Modtgeberschen). Если подобнаго рода хозяйка становилась стара или болѣе не правилась, то ее выдавали замужъ за какого-либо бѣдняка, давъ въ приданое мельницу или участокъ земли, а для себя брали новую (eine frische Derne). Евангелическіе священники или пасторы не уступали въ этомъ отношеніи своимъ католическимъ коллегамъ; и во всей странѣ, по замѣчанію Руссова, не было ни одного суперъ-интендента, который обратилъ бы вниманіе на подобныя пороки. „Если правители, епископы, каноники и другіе пѣмцы, — говоритъ нашъ авторъ, — погрязли въ такихъ позорныхъ порокахъ, то неразумнымъ немѣцкимъ крестьянамъ не было стыдно предаваться разврату, вести эпикурейскій и садомскій образъ жизни, хуже котораго не встрѣчается ни у одного народа во всемъ христіанствѣ“. Когда спрашивали у крестьянъ или укоряли ихъ, зачѣмъ они живутъ не въ супружествѣ, то они отвѣчали: „Это — старый лифляндскій обычай; и отцы наши также поступали!“ Нѣкоторые изъ нихъ при этомъ говорили: „Дѣлаютъ же такъ наши господа и юнкеры, то почему же намъ это должно быть запрещено?“ ¹⁾

Упадокъ ливонскихъ нравовъ заключалъ въ себѣ зародыши разрушенія соціально-политическаго строя потому особенно, что онъ не вознаграждался высокимъ культурнымъ развитіемъ правящихъ классовъ.

Напротивъ, можно сказать, что самые пороки соответствовали по своему характеру грубому состоянію ливонской культуры XVI вѣка. Во время празднованія дворянскихъ

1) Russow, S. 39—40.

свадебъ въ помѣщеніи гильдіи приходилось вездѣ настилать сѣно, такъ какъ полъ становился мокрымъ отъ пролитаго пива. Когда, по словамъ Руссова, гости наливались допьяна, то начинали драку и кололи мечами другъ друга не только на улицѣ и въ сѣняхъ, но даже при этомъ врывались въ тѣ комнаты, гдѣ сидѣли женщины и дѣвушки, которыя должны были вскакивать на столы и скамьи. Тогда многимъ разсѣкали головы и отрубали руки, такъ что цирюльникамъ приходилось работать день и ночь ¹⁾. На пирушкахъ, устраиваемыхъ во время осенняго сбора повинностей, употреблялись огромныя деревянныя чаши, называемыя каусами (Caussen), такой величины, что въ нихъ можно было бы купать дѣтей. Изъ этихъ и другихъ чашъ пили до тѣхъ поръ, пока не мутилось въ глазахъ. Кто перепивалъ всѣхъ участниковъ пирушки, того на другой день провозглашали храбрымъ героемъ (ein dapper Heldt) и оказывали ему почести, какъ будто онъ присоединилъ цѣлую область. По примѣру старшихъ, подобныя состязанія устраивали мальчишки, едва достигшіе 14 лѣтъ ²⁾. Посылая своихъ дѣтей въ германскіе университеты или къ княжескимъ дворамъ, нѣкоторые дворяне, по словамъ Руссова, открыто заявляли, что „никому не совѣтуютъ подолгу держать сыновей въ Лифляндіи, такъ какъ дома они ничему

1) Ibid., S. 41. — Въ интересахъ ограниченія роскоши и излишествъ, допускавшихся при празднованіи свадебъ, были издаваемы иногда городскими совѣтами ограничительныя правила или статуты, опредѣлявшіе до мелочей всю обстановку брачнаго церемоніала, какъ то: приготовленія въ домѣ жениха и невѣсты, качество и цѣнность подарковъ, распорядокъ въ день свадьбы, количество гостей, число и послѣдовательность кушаній и напитковъ, способъ размѣщенія гостей за столомъ (Ehrenplätze), количество и порядокъ танцевъ и т. д., а равно были установлены штрафы за все отступленія и нарушенія. Подробности см. въ статьѣ Готт. Ганзена Revalsche Hochzeitsordnungen des 16. und 17. Jahrhundert, помѣщенной въ его сборникѣ Aus Balt. Vergangenheit, S. 35—47. Къ сожалѣнію, эти статуты не достигали цѣли: Es entwickelte sich auf den Hochzeiten Glanz und Lust, leider aber auch oft Rohheit.

2) R ü s s o w, S. 42.

не учатся, а если бы дитяти и удалось чему-либо научиться, то воспитанное дома оно напоминает быка и неопытно, хотя было бы надѣлено отъ природы способностями“. Такіе благоразумные отцы при этомъ прибавляли, что „на родинѣ дѣти выучиваются только пьянству, излишеству и другимъ порокамъ“ 1).

Если нельзя отрицать, что въ значительной степени культурность народа обнаруживается въ системѣ наказаній и процессуальныхъ порядкахъ, то придется признать, что разсматриваемая и съ этой точки зрѣнія ливонская культура XVI вѣка не окажется высокой. Въ Ливоніи прибѣгали къ наказаніямъ, передъ которыми блѣднѣютъ ужасы казни Іоанна IV. Юргень Тизенгаузенъ велѣлъ утопить въ рѣкѣ завязанную въ мѣшокъ родную свою сестру, которая влюбилась въ писаря и просила позволенія выйти за него замужъ 2). У графа фонъ Арца, приговореннаго за измѣну къ смертной казни, палачъ раскаленными до-красна щипцами рвалъ куски мяса, пока несчастнаго, крѣпко привязаннаго къ телѣгѣ, медленно везли по улицамъ города Риги къ мѣсту казни, гдѣ его разрубили на четыре части и колесовали 3). За кражу меда крестьянина-вора наказывали такъ: привязавъ его веревкою къ улью, дѣлали глубокой надрѣзъ на животѣ и заставляли бѣгать, поднося сзади пылающій факелъ, до тѣхъ поръ, пока у несчастнаго не выпадали внутренности, и онъ не испускалъ духа въ ужасныхъ страданіяхъ 4). Вообще въ процессахъ крестьянскихъ нѣмецкіе судьи придерживались первобытныхъ порядковъ и пріемовъ, вышедшихъ къ XVI вѣку изъ судебной практики не только въ Западной Европѣ, но и въ Московскомъ государствѣ, некультурность котораго въ глазахъ Рюссова и его соотечественниковъ не подлежала со-

1) Ibid., S. 46.

2) Ibid., S. 94.

3) Nyenstede, S. 66.

4) Ibid., S. 11.

мнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ рѣшающихъ процессъ моментовъ употреблялись также приемы, какъ бросаніе въ воду и испытаніе желѣзомъ¹⁾.

Въ матеріальномъ благосостояніи, которое по отношенію къ Ливоніи засвидѣтельствовано многими фактами²⁾, нельзя вообще видѣть доказательства культурыности, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, что источникъ его былъ нездоровый, отравляющій весь общественный и государственный строй страны³⁾. Благосостояніе привилегированныхъ классовъ основывалось на притѣсненіи и угнетеніи покореннаго туземнаго населенія, для блага и развитія котораго ничего не предпринималось. Можетъ быть, въ подобномъ отношеніи къ народу заключалась главная причина слабости Орденскаго государства и его паденія.

Въ Космографіи Севастьяна Мюнстера представлена любопытная картина печальнаго состоянія ливонскихъ крестьянъ и ихъ отношенія къ правящему классу: „Всеѣ крестьяне, — читаемъ мы тамъ, — рабы. И если кто-либо изъ нихъ попытается въ бѣгствѣ найти спасеніе отъ голода, побоевъ и невыносимаго угнетенія, а его изловятъ, то для пресѣченія ему возможности вторично рѣшиться на то же ему отсѣкали ногу. Нѣтъ болѣе несчастнаго народа на земномъ шарѣ! Питаются они такой грубой пищей, которой у насъ гнушаются даже свиньи; носятъ лапти цѣною въ 3 пфеннига за пару. Пѣніе ихъ, подобное завыванію

1) Ibid., S. 11. — Объ этихъ ордаляхъ см. Bunge, *Gesch. d. Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-, Est- und Curland* (Reval, 1874), S. 74—76, 134, 138, 143. Какъ видно изъ королевскаго письма отъ 22 дек. 1686 года на имя дерптскаго гофгерихта, еще въ концѣ XVII вѣка примѣнялись пытки въ процессахъ неполитическихъ (Bunge, S. 209, Anmerk. 199).

2) Rüssow, S. 29—30, 86, 93, 109, 111, 125.

3) Сравни Th. Schiemann, *Charakterköpfe . . .*, S. 26: Was sie gethan haben, lässt sich erklären, aber nie entschuldigen, erklären aus der sittlichen Fäulniss, die als traurige Folge des Wohllebens und der Friedenszeit der letzten Periode livländischer Selbstständigkeit eingetreten war . . Taube und Kruse sind Zeichen ihrer Zeit. . .

волковъ, сопровождается прииѣвомъ Jehu. Когда ихъ спрашиваютъ, что значить это слово, они ничего не могутъ объяснить, ссылаясь только на обычай своихъ предковъ. Въ общемъ эти несчастные люди живутъ, какъ звѣри, а съ ними обращаются, какъ со скотами. Большинство доселѣ пребываетъ въ язычествѣ и лишено познанія Истиннаго Бога. Погребая своихъ покойниковъ, они кладутъ въ могилу пищу, питье, монету и топоръ; обращаясь къ мертвецу, при этомъ говорятъ такъ: „Ступай въ другой миръ, гдѣ ты будешь поступать съ нѣмцами такъ же, какъ они обращались здѣсь съ тобой!“¹⁾

Если мы оставимъ на отвѣтственности Мюнстера его слова о мѣрахъ, направленныхъ къ пресѣченію бѣгства крестьянъ, то придется признать, что нарисованная имъ картина не была насквилемъ и не являлась преувеличеніемъ. По этому поводу Рюссовъ говоритъ слѣдующее: „Чѣмъ болѣе расширялись привилегіи ливонскаго дворянства, тѣмъ прискорбнѣе становилось правовое положеніе бѣдныхъ крестьянъ и отношеніе къ нимъ въ судахъ этой земли. Бѣдный крестьянинъ имѣлъ только тѣ права, которыя угодно было признавать за нимъ юнкеру или фохту: бѣднякъ не смѣлъ жаловаться никакой высшей власти на несправедливость и насиліе. Когда же умирали крестьянинъ и его жена, оставивъ дѣтей, то опека заключалась въ томъ, что господа брали себѣ все имущество, оставленное родителями, а босые и нагіе дѣти должны были находиться у очага юнкера или просить милостыню по городамъ, какъ лишенные всего родительскаго достоянія: все, чѣмъ владѣлъ бѣдный крестьянинъ, въ сущности принадлежало не ему, а господамъ. Если же крестьянину случалось пемного провиниться, то юнкерь или ландфохтъ, котораго здѣсь обыкновенно называютъ ландкнехтомъ, безъ всякаго милосердія и человѣческаго чувства, приказывалъ раздѣть его и, не взирая на возрастъ,

1) A. F a h n e, S. 176—177.

стегать длинными и острыми розгами“¹⁾. Упоминая во многих мѣстах своей хроники о томъ, что крестьяне оставались непросвѣщенными истиннымъ свѣтомъ христіанства и придерживались старинныхъ языческихъ обычаевъ, Рюссовъ объясняетъ это печальное явленіе небрежнымъ отноше-ніемъ къ своимъ обязанностямъ католическихъ священниковъ и стараго орденскаго начальства²⁾. Однако, дѣло не улучшилось и со времени введенія реформаціи, такъ какъ „во всей странѣ не было хорошей школы, которая подготовляла бы простыхъ пасторовъ, знающихъ мѣстные языки“ (der Undütschen Sprache erfahren), а пасторами были чужеземцы (Uthlender) и „говорили нѣмцамъ проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ, котораго туземные крестьяне не могли понимать“³⁾. Говоря о поклоненіи идоламъ, моленіяхъ въ рощахъ, поклоненіи камнямъ, деревьямъ и животнымъ, другою писателемъ, составлявшимъ свою хронику въ началѣ XVII вѣка, прибавляетъ, что все это „не прекратилось, къ сожалѣнію, и доселѣ, а встрѣчается и теперь между крестьянами, какъ обычное явленіе“⁴⁾.

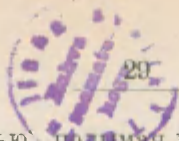
Такимъ образомъ, Орденскому государству въ Ливоніи недоставало самаго необходимаго основанія, на которомъ зиждется нормальный государственный строй. Отсутствие какой бы то ни было нравственной связи между правящими классами и покоренными туземцами дѣлало нѣмецкое господство въ краѣ беспочвеннымъ. Проживаніе насчетъ угнетаемой крестьянской массы, въ пользу которой не желали ничего предпринять, развращало привилегированные классы и пресѣкало возможность правильнаго развитія началъ государственности въ нѣмецкой колоніи на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Крестьяне оплачивали своимъ

1) Rüssow, S. 28.

2) См., напр., *ibid.*, S. 71, 43—44.

3) *ibid.*, S. 43—44.

4) Nyonstede, S. 10—11.

господамъ ненавистью, поднимая возстаіа и совершая убійства юнкеровъ¹⁾. Если бы Ливонія съ конца XVI вѣка предоставлена была самой себѣ, то въ пей не замедлила бы разыгратъся самая ужасная соціальная революція, такъ какъ она осложнилась бы національными мотивами.

Заслуживаетъ вниманія то, что нѣмецкіе руководящіе классы не сознавали вовсе истинной причины всѣхъ мѣстныхъ золъ. Они не думали улучшать быта своихъ крестьянъ, а намѣревались сохранить свои права и привилегіи при помощи мѣръ строгости, опираясь на правительственную поддержку. Въ 26 пунктѣ подписанной королемъ Сигизмундомъ-Августомъ договорной грамоты, которую лифляндцы считают своей Великой Хартіей²⁾, читаемъ слѣдующее: „Такъ какъ въ Ливоніи часто случалось, что нѣкоторые дворяне были тайно убиваемы своими крестьянами, то для устрашенія ихъ и удержанія отъ такихъ злодѣйствъ ливонскіе дворяне просятъ, какъ объ особенной милости, о томъ, чтобы ихъ дворамъ было уступлено и прибавлено право уголовного и гражданскаго суда“³⁾. Когда король

1) *Ibid.*, S. 63—64.

2) *Osw. Schmidt*, *Rechtsgeschichte Liv-, Est- und Curland*, S. 215. Такое значеніе придавали этой грамотѣ издавна. Генералъ-губернаторъ Дальбергъ въ письмѣ къ Делагарди, губернатору Эстляндіи, датированномъ 19 апр. 1698 года и написанномъ по-шведски, называетъ эту привилегію „клейнодомъ всего лифляндскаго рыцарства“. Еще опредѣленнѣе выражается Дальбергъ въ нѣмецкомъ посланіи, написанномъ въ Ригѣ 21 дек. 1698 года: *Unterdessen wird von Seiten E. E. Ritterschaft auf die Herbeibringung dieses Privilegi desto mehr gedrungen, weiln ein gross Theil ihrer gemeinen Landeswohlfahrt darauf berubet*. Эти письма издавъ А. Берггрюнъ въ приложеніи къ замѣткѣ *Zur Geschichte des Originals des Privilegium Sigismundi Augusti*, помѣщенной въ журн. *Sitzungsberichte d. Ges. für Gesch. u. Alterth. d. Ostseepr. Russl.* 1892 (Riga, 1893), S. 24—26. Въ документѣ, извѣстномъ подъ именемъ Дедукціи, о той же привилегіи сказано: *Demnach aber dieses Privilegium die rechte Seule der Liefländischen Ritterschafts Wohlfahrt ist* (См. *ibid.*, S. 22).

3) Грамота Сигизмунда-Августа и договоръ съ Кетлеромъ напечатаны въ сборникѣ Тургенева, *Historica Russiae Monumenta*, t. I, pp. 184—198. Любопытно отмѣтить, что уже въ XVII вѣкѣ не существовало подлинника Сигизмундовой привилегіи. Какъ видно изъ писемъ Дальберга,

Стефанъ Баторій задумалъ облегчить положеніе крестьянъ, то встрѣтилъ со стороны ливонскаго дворянства такой протестъ, что вынужденъ былъ воздержаться отъ осуществленія задуманныхъ мѣропріятій. Лаврентій Миллеръ, современникъ Баторія, съ удовольствіемъ и злорадствомъ замѣчаетъ по сему поводу: „король имѣлъ въ рукахъ хорошее дѣло, но не смогъ сдѣлать его“. Какъ бы въ оправданіе своихъ соотечественниковъ, онъ такъ характеризуетъ туземное населеніе: „Ненѣмецкій народъ вообще народъ очень варварскій, скотскій и глупый; одна половина его, правда, приняла христіанство, но другая часть падаетъ ницъ передъ какимъ ни попало отдѣльно стоящимъ деревомъ въ полѣ и молится ему“¹⁾.

Итакъ, паденіе Орденскаго государства было неизбежно и неотвратимо, такъ какъ обусловливалось многочисленными причинами. Разсмотрѣвъ послѣднія, мы имѣемъ, кажется, право сказать, что это паденіе произошло по винѣ правящихъ нѣмецкихъ классовъ. Тѣмъ не менѣе можно только удивляться дипломатическому искусству и политическому таланту этихъ руководящихъ классовъ: не производя никакихъ реформъ, не дѣлая никакихъ уступокъ въ пользу туземнаго населенія, не поступаясь ни одной своей привилегіей, они сумѣли взвалить бремя охраны и поддержки несправедливаго и одряхлѣвшаго средневѣковаго строя на

лифляндцы одно время были убѣждены въ томъ, что подлинникъ сохраняется въ архивѣ риттермейстера Іоанна-Генриха Дерфельда, но послѣдній это категорически отрицалъ: *ingelegte Antwort eingekommen, dass H. Derfeld solches nicht habe, memahn es in Händen gehabt, auch davon nichts wisse, dass also an dem Ohrte solches zu erlangen fast keine Hofnung zu seyn scheinete* (Sitzungsber. d. Ges. f. Gesch. u. Alt. 1892, S. 26). — Хотя по вопросу о подлинности привилегіи существуетъ цѣлая литература, состоящая преимущественно изъ статей и брошюръ, но дѣло до сихъ поръ нельзя считать выясненнымъ: не представляла ли привилегія *ria fraus* ливонскаго патриотизма?

1) Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. IV (Рига, 1880), стр. 144.

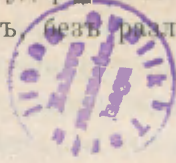
представителей того иноземнаго господства, которому они должны были подчиниться. Какъ баловни счастья, они никогда не видѣли собственныхъ ошибокъ и не признавали себя отвѣтственными передъ судомъ исторіи за паденіе самостоятельности Орденскаго государства: „Остзейскіе нѣмцы, — говоритъ одинъ почтенный изслѣдователь, посвятившій свои труды широкому изученію Балтійскаго вопроса, — не переставали обвинять какъ исторію, такъ и сосѣднія съ Орденномъ государства въ равнодушномъ отношеніи къ ихъ судьбѣ; свои заслуги они сильно выдвигали, какъ по отношенію къ имперіи, такъ и по отношенію и къ другимъ государствамъ . . . Какъ жители нѣмецкой колоніи, ливопцы постоянно обращались къ помощи имперіи, но лишь только проходила нужда, они уже не признавали для себя обязательными никакія постановленія императора и рейхстаговъ; подданными имперіи они готовы были считать себя только тогда, когда нуждались въ ея помощи; за собой они не знали обязательствъ, напротивъ приписывали себѣ огромныя заслуги: они будто бы обезпечивали за имперіей миръ и спокойствіе со стороны восточныхъ варваровъ, они распространяли христіанство и германское вліяніе на всемъ сѣверо-востокѣ и за все это ихъ предоставили волѣ варваровъ схизматиковъ“ 1).

Предоставляя другимъ судить о томъ, въ какой степени измѣнились настроеніе и мысли нѣмецкихъ правящихъ классовъ 2), мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что одряхлѣвшіе средневѣковые порядки, приведшіе древнюю Ливонію къ паденію, только въ самое послѣднее время стали отходить въ область преданія, и даже въ Ливонію

1) Г. В. Форстенъ, Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (Спб., 1893), томъ I, стр. 252—253.

2) Для ознакомленія съ этимъ полезно прочитать статью анонимаго автора *Züge aus unserer provinziellen Physiognomie vor 50 Jahren* въ журналѣ *Baltische Monatsschrift*, November 1890.

началъ проникать свѣтъ новой исторіи: стали выясняться основы правильного и свободнаго развитія этой окраины подъ эгидою русской государственности, равно благосклонной ко всѣмъ подданнымъ безъ различія національности и религіи.

Того же автора:

1. Исторія Великой Хартіи въ XIII столѣтіи. Кіевъ, 1888 г.
 2. Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. Кіевъ, 1889 г.
 3. Московскій Государственный архивъ въ XVI вѣкѣ. Кіевъ, 1889 г.
 4. Донесеніе о Московіи Марка Фоскарини. Кіевъ, 1890 г.
 5. Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.). Кіевъ, 1895 г.
 6. Объ этнографическихъ и культурныхъ отношеніяхъ въ средніе вѣка. Вступительная лекція. Юрьевъ, 1897 г.
 7. Чешское извѣстіе XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ. Юрьевъ, 1898 г.
 8. Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизациі на берегахъ Балтійскаго моря. Юрьевъ, 1898 г.
-